

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-117-134>
EDN: QRAPJP

Научная статья / Research Article

Между холизмом и реализмом: две теории юридических коллизий Г. Кельзена

А.А. Краевский

Санкт-Петербургский государственный университет, *Санкт-Петербург, Российская Федерация*;
Самарский государственный экономический университет, *Самара, Российская Федерация*
[✉a.krajewski@yandex.ru](mailto:a.krajewski@yandex.ru)

Аннотация. Чистое учение о праве Г. Кельзена, ставшее в XX в. точкой отсчета для развития современного юридического позитивизма, оказало большое влияние на юриспруденцию и философскую теорию норм. Важной частью кельзеновской теории норм, причем частью радикально менявшейся в течение жизни правоведа, стала его теория нормативных коллизий. Вместе с тем в отечественной юридической литературе до настоящего времени не представлены исследования кельзеновской теории нормативных конфликтов, а ее поздний, реалистический вариант практически неизвестен. Цель исследования заключается в том, чтобы реконструировать две основные теории нормативных конфликтов, разработанные Кельзеном в разное время, а также его теорию иерархических коллизий и оценить корректность критики данных теорий, представленной в иностранной научной литературе. Проанализированы работы Г. Кельзена, написанные в разное время, а также научные работы последующих авторов, посвященные его теории нормативных коллизий. В результате реконструированы два варианта кельзеновской теории нормативных коллизий – холистический и реалистический, показаны их методологические основания, а также показана роль коллизий норм разного уровня в теории ступенчатой структуры правопорядка, одинаковая для обеих исторических версий чистого учения о праве. Показана уязвимость основных критических аргументов против реалистического определения нормативного конфликта и против доктрины «альтернативного уполномочивания», связанной с теорией иерархических коллизий.

Ключевые слова: конфликт норм, коллизия норм, Г. Кельзен, чистое учение о праве, ступенчатая структура правопорядка, дерогация, альтернативное уполномочивание

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01893, <https://rscf.ru/project/24-28-01893/>

Поступила в редакцию: 21 сентября 2024 г.

Принята к печати: 15 января 2025 г.

Для цитирования:

Краевский А.А. Между холизмом и реализмом: две теории юридических коллизий Г. Кельзена // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 1. С. 117–134. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-117-134>

Between holism and realism: H. Kelsen's two theories of legal conflicts

Arseny A. Kraevsky

Saint Petersburg State University, *Saint Petersburg, Russian Federation*
Samara State Economic University, *Samara, Russian Federation*
[✉a.krajewski@yandex.ru](mailto:a.krajewski@yandex.ru)

Abstract. H. Kelsen's pure theory of law, which emerged as a key reference point for the development of modern legal positivism in the 20th century, has had a profound impact on jurisprudence and philosophical theory of norms. A significant aspect of Kelsen's theory, particularly his theory of normative conflicts, underwent substantial evolution throughout his career. However, domestic legal literature has yet to explore Kelsen's theory of normative conflicts in depth, and his later, realist version remains largely unexamined. The purpose of this study is to reconstruct the two primary theories of normative conflicts developed by Kelsen at different stages of his work, as well as his theory of hierarchical conflicts. Additionally, we aim to evaluate the validity of criticisms directed at these theories in foreign scientific literature. To achieve this, we analyzed H. Kelsen's writings from various periods and reviewed subsequent scholarly contributions that focus on his theory of normative conflicts. This study delineates two versions of Kelsen's theory – holistic and realistic – illustrating their methodological foundations and demonstrating the role of conflicts between norms at different levels within the hierarchical structure of legal order. This structure remains consistent across both historical versions of the pure theory of law. Based on our analysis of critical literature, we identify vulnerabilities in the main arguments against the realist definition of normative conflict and against the doctrine of “alternative authorization” associated with the theory of hierarchical conflicts.

Key words: conflict of norms, collision of norms, H. Kelsen, pure theory of law, hierarchical structure of legal order, derogation, alternative authorization

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. The study was funded by a grant No. 24-28-01893 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/24-28-01893/>

Received: 21th September 2024

Accepted: 15th January 2025

For citation:

Kraevsky, A.A. (2024) Between holism and realism: H. Kelsen's two theories of legal conflicts. *RUDN Journal of Law*. 29 (1), 117–134. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-117-134>

Введение

В научной литературе чистое учение о праве Г. Кельзена часто обозначается термином «нормативизм» (Paulson, 1993), что подчеркивает акцент, который данная теория делает на роли норм в онтологии права. Одной из классических проблем теории норм является проблема нормативных конфликтов или коллизий – ситуаций

несовместимости требований двух норм, принадлежащих одной нормативной системе. Данная проблема проявляется на различных уровнях теоретических исследований, начиная от этических проблем моральных коллизий (моральных дилемм) (Razin, 2014) и проблем деонтической логики (Alchourrón, 1991), заканчивая вопросами теории правоприменения (Petrov, 2017), а также и в юридической практике. Г. Кельзен развивал чистое учение о праве в течение шести десятилетий своей активной научной работы, в результате чего некоторые фрагменты данной теории претерпевали существенные изменения¹. Одним из таких фрагментов стала теория нормативных коллизий, несколько раз менявшаяся в различных версиях чистого учения о праве, в частности, классической и поздней (скептической). Различия между соответствующими версиями обусловлены различиями в философских основаниях соответствующих теорий и вытекающих из них следствиях для логики, гносеологии и онтологии права. Отдельного рассмотрения при этом требуют коллизии между нормами разных уровней знаменитой «пирамиды норм», описываемой теорией ступенчатой структуры правопорядка А. Меркля и Г. Кельзена. С позиций чистого учения о праве подобные иерархические конфликты представляют собой особое юридическое явление, объясняемое при помощи доктрины «альтернативного уполномочивания».

Классическая теория: холизм

Идею единства и полноты правовой системы, как и многие другие правовые концепции, можно проследить по крайней мере до европейских школ римского права, начиная с глоссаторов (Muromtsev, 1886:27–29).

Ф.К. фон Савиньи очень ярко выражает данную позицию в первом томе своей «Системы современного римского права»:

«Совокупность... источников [римского] права ... образует одно Целое, которое предназначено для решения любой задачи, встречающейся в области права. Чтобы оно было пригодно для этой цели, нам необходимо выдвинуть два требования к нему: *Единство* и *Полнота*... Неудовлетворительное состояние названного Целого, которое можно сравнить с недостатками отдельных законов..., относится к выдвинутым выше требованиям. Если нет единства, то нам следует устранять *противоречие*, если нет полноты, то нам следует восполнять *пробел*. И то, и другое, собственно говоря, можно свести к одному общему основному понятию. Ибо тем, к чему мы стремимся, везде будет восстановление Единства: негативного – путем устранения противоречий; позитивного – путем восполнения пробелов» (Savigny, 2011:417–418).

Понятие коллизии: неокантианская интерпретация

Классическая² версия чистого учения о праве, основанная на неокантианской методологии (Didikin, 2022), считала правопорядок результатом познавательной активности субъекта, особой интерпретацией фактов, базирующейся на гипотезе основной нормы, рассматриваемой в качестве трансцендентально-логического

¹ О периодизации развития чистого учения о праве см. дискуссию К. Хайдемана и С. Полсона (Heidemann, 1997; Paulson, 1998; Heidemann, 1999; Paulson, 1999).

² То есть представленная в работах 1922–1960 годов (Paulson, 1998:161; Antonov, 2013).

постулата (Kelsen, 2015b:167–168; Kelsen, 2005:116–117; Kelsen, 2015a:250–256). Последовательность и непротиворечивость, как свойства человеческого мышления, влекут за собой единство и непротиворечивость правовой системы, которая им создается. По словам правоведа, «единство выражается еще и в том, что правопорядок можно описать посредством не противоречащих друг другу правовых предложений. Конечно, правовые органы могут установить противоречащие друг другу нормы. Такую возможность нельзя отрицать» (Kelsen, 2015a:256). Коллизия норм при этом определяется как ситуация, в которой «одна норма предписывает в качестве должного определенное поведение, а другая норма – тоже в качестве должного – предписывает поведение, не совместимое с первым» (Kelsen, 2015a:256). Учитывая, что понятие правовой нормы трактовалось Кельзеном широко и включало в себя не только общие правила, рассчитанные на неоднократное применение, но и индивидуальные предписания, такие как судебные решения (Kelsen, 2005:37–38), указанное определение нормативного конфликта рассматривалось им как применимое и к столкновению индивидуальных норм (предписаний).

Важно отметить, что подобный конфликт норм может существовать только в необработанном юридической наукой эмпирическом нормативном материале. В процессе юридического познания (интерпретации) норм все коллизии могут и должны разрешаться, «поскольку правоведение, как и всякая наука, стремится понять свой предмет как исполненное смысла целое и описать его посредством непротиворечивых суждений» (Kelsen, 2015a:257). Нормативная коллизия не равнозначна логическому противоречию, поскольку логическое противоречие возможно только между суждениями, способными, в отличие от норм, быть истинными или ложными. Однако каждой норме соответствует описывающее ее нормативное предложение, формулируемое юридической наукой. Такие нормативные предложения являются истинными или ложными. Поскольку правовая система, реконструируемая юридическим познанием, целостна и непротиворечива, допущение в ней конфликта норм означало бы логическое противоречие описывающих данные нормы нормативных предложений как частей этой единой системы. Таким образом, логический закон непротиворечия косвенно применим и к правовым нормам (Kelsen, 2015a:256–257). «Конфликт норм» или «коллизия обязанностей» возможен только как факт индивидуальной психики, но не как юридическое явление (Kelsen, 2005:375, 408–410).

Разрешение коллизий через толкование

С точки зрения австрийского правоведа коллизии норм одного уровня и коллизии, возникающие между нормами разных уровней правовой системы имеют разную природу и механизмы разрешения (Kelsen, 2015a:257). Последнюю категорию нормативных конфликтов мы рассмотрим далее отдельно.

В качестве общего принципа разрешения конфликта норм одного уровня австрийский правовед рассматривает известное правило о том, что более поздняя норма отменяет норму более раннюю (*lex posterior derogat priori*). Более того, Кельзен полагает, что данный принцип уже заключен в соответствующем полномочии нормоустанавливающего органа (Kelsen, 2015a:257), хотя равным образом применим и к коллизиям норм, установленных разным путем, при отсутствии между ними формальной иерархии (Kelsen, 2015a:258).

Конфликты норм, установленных одновременно, например, одним и тем же законом, могут быть разрешены путем согласования их смысла, причем двояким образом.

Первый вариант непротиворечивого истолкования возможен, если между нормами возник только частичный конфликт, в этом случае одна норма интерпретируется как общее правило, а вторая – как исключение из общего правила. Например, из двух норм «Любое лицо, совершившее умышленное хищение чужого имущества, должно быть наказано» и «лица, не достигшие четырнадцати лет, не должны быть наказаны» первая рассматривается как общее правило, а вторая – как исключение, его ограничивающее (Kelsen, 2015a:258). Такой способ разрешения можно отождествить с традиционным правилом о приоритете специальной нормы по отношению к общей.

Второй случай разрешения коллизий норм одного закона означает предоставление правоприменителю дискреции в принятии решения. Так, столкнувшись с содержащимися в одном законе правилами «лицо, причинившее вред по неосторожности, должно быть наказано»; или «лицо, причинившее вред по неосторожности, не должно быть наказано», правоприменителю предоставляется свободный выбор применить ту или другую (Kelsen, 2015a:258). С политико-правовой точки зрения едва ли можно признать желательным такой способ разрешения коллизий, однако с точки зрения стороннего наблюдателя такой выход из нормативного конфликта со стороны правоприменителя действительно возможен³.

При невозможности применения указанных способов интерпретативного разрешения нормативных конфликтов австрийский правовед считает возможным оценивать нормоустанавливающий акт как субъективно и объективно бессмысленный (в соответствующих частях), а значит, не устанавливающий в действительности каких-либо норм (Kelsen, 2015a:258–259).

Разрешение коллизий, по Кельзену, возможно и необходимо не только для общих, но и для индивидуальных норм, таких как несовместимые судебные решения, принятые по одному и тому же вопросу (например, об удовлетворении и об отказе в удовлетворении иска). В таком случае, по мнению правоведа, конфликт разрешается «путем предоставления органу по исполнению судебных актов возможности выбрать одно из двух решений, т.е. исполнить либо не исполнить наказание или принудительное взыскание, действовать в соответствии с одной или другой индивидуальной нормой» (Kelsen, 2015a:259).

Применительно к индивидуальным нормам такой вариант разрешения коллизий получает дополнительное обоснование в принципе эффективности, согласно которому фактически неисполняемая (недействительная) норма теряет свою действительность (Kelsen, 2015a:260–269). В случае коллизии двух судебных решений исполнение одного из них приведет к неисполнению другого, что со временем повлечет за собой недействительность последнего (Kelsen, 2015a:258–259). Наконец, коллизия внутри одного судебного решения делает такой правовой акт бессмысленным (Kelsen, 2015a: 259). Стоит отметить, что разрешение коллизий индивидуальных норм иного происхождения не рассматривается Кельзенем детально. Можно

³ Стоит отметить, что именно такую ситуацию, оценивая ее как негативное следствие коллизии норм, предполагает пп. «и» п. 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной постановлением Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»: «нормативные коллизии – противоречия, в том числе внутренние, между нормами, создающие для государственных органов, органов местного самоуправления или организаций (их должностных лиц) возможность произвольного выбора норм, подлежащих применению в конкретном случае».

предположить, что к некоторым из них, например, к положениям гражданско-правовых договоров, австрийский правовед допускал применение и иных способов разрешения нормативных конфликтов, таких как правило о приоритете более поздней нормы, или, внутри договора, интерпретацию конфликтующих пунктов как общего и специального.

Поздняя теория: реализм

Реалистический подход к понятию нормативного конфликта предполагает реальное, а не мнимое существование законодательных коллизий. Значительный вклад в его развитие внесли представители континентального (или психологического) правового реализма (Timoshina, Vasil'eva, Kondurov & Kraevsky, 2023:101–296), в частности, датский правовед А. Росс. Своеобразную интерпретацию этого комплекса идей представляет более поздняя экспрессивная концепция норм Е.В. Булыгина и К.Э. Альчуррона (Alchourrón & Bulygin, 2013). С реалистической точки зрения сама постановка вопроса о коллизии законов предполагает, что несовместимые нормы обоих законов действительны. Постулат непротиворечивости правовой системы оценивается реалистами как фикция, подчеркивается различие между противоречием в строгом (логическом) смысле и нормативным конфликтом, имеющим прагматическую природу (Ross, 1968:28–29; Ross, 2019:149–153).

Понятие коллизии: реалистическая интерпретация

Поздняя версия теории Г. Кельзена, охватывающая работы, написанные с 1960 по 1973 (год смерти правоведа) годы, получило в последующей научной литературе наименование «реалистический» или «скептический». «Реализм» связан с отказом от неокантианства, обращением к идеям аналитической философии и сближением с континентально-реалистическими правовыми теориями (Kraevsky, 2015), «скептицизм» – с критикой применимости классической логики к праву (Raz, 1976; Hartney, 1991; Paulson, 1992). Идеи данного периода изложены Кельзеном в посмертно опубликованной «Общей теории норм» (Kelsen, 1991), а также предшествующей данной работе серии статей, посвященных логике и нормам⁴.

Вместе с тем следует отметить, что реалистический подход к нормативным коллизиям впервые нашел свое выражение еще в работах Кельзена начала 1940-х гг., в частности, в работе «Юридическая теория соглашения» (Kelsen, 2009). Таким образом, в определенной степени «реалистический поворот» 1960-х гг. базировался на более ранних идеях австрийского правоведа⁵.

1. *Понятие конфликта норм.* В соответствии с поздним вариантом чистого учения о праве «конфликт двух норм имеет место, если при соблюдении или

⁴ Речь, в частности, идет о статьях «Дерогация», «О понятии нормы», «Право и логика», «Еще раз о праве и логике» и «К вопросу о практическом силлогизме». Переводы указанных статей опубликованы на русском языке (Kelsen, 2024a).

⁵ С.Л. Полсон предлагает другую периодизацию теории коллизий Кельзена на основе анализа изменения подхода австрийского правоведа к правилу *lex posterior derogat priori*, в рамках которой период с середины 1920-х до 1960 года рассматривается как представляющий единую позицию (Paulson, 1986), однако не учитывает в своем анализе двусмысленность формулировок первого «Чистого учения о праве» 1934 года и работу 1941 года «Юридическая теория соглашения».

применении одной нормы другая с необходимостью нарушается, или может быть нарушена» (Kelsen, 2024b:250)⁶.

В разных работах Кельзен повторяет, что «существование конфликтов норм не может вызывать сомнения» (Kelsen, 2024b:252; Kelsen, 2024c:210; Kelsen, 1991:124), отказываясь от аналогии между нормативной коллизией и логическим противоречием. Обе нормы, вступившие в коллизию, обладают действительностью, обе существуют в качестве актуальных частей правовой системы, вплоть до своей отмены (дерогации одной из них). Напротив, из двух суждений, вступивших в логическое противоречие, истинным может быть только одно, второе же не теряет истинность в какой-то момент, а изначально ложно. Нормативную коллизию уместно сравнивать скорее «с двумя силами, действующими на одну точку в противоположных направлениях» (Kelsen, 2024b:252–253; Kelsen, 2024c:211–213; Kelsen, 1991:124–125).

Конфликт возможен не только внутри одной нормативной системы, но и между разными системами. Но разрешать такой конфликт коллизионная норма может только путем дерогации той из двух конфликтующих норм, которая принадлежит к одной с ней системе. В этом смысле правовой порядок может установить дерогационное правило об отмене своей нормы, не соответствующей морали, но не может отменить моральную норму, противоречащую праву (Kelsen, 2024b:254; Kelsen, 1991:126).

В зависимости от соотношения конфликтующих норм по своему содержанию, коллизии могут быть двусторонними или односторонними, тотальными или частичными, возможными или необходимыми (Kelsen, 2024b:250–252; Kelsen, 1991:123–124).

Предложенная Кельзенем реалистическая интерпретация нормативных коллизий была с разных позиций подвергнута критике британскими философами права Дж. Разом и Дж. У. Харрисом, а также итальянским правоведом Б. Челано.

2. *Критика Б. Челано.* В интерпретации Челано теория коллизий «позднего» Кельзена предполагает, что нормативные конфликты 1) не являются логическим противоречием, 2) не имеют ничего общего (не отражают, не аналогичны, не могут быть описаны со ссылкой на) с логическим противоречием и 3) не могут быть разрешены посредством обращения к логическому закону непротиворечия (Celano, 1998: 346). Соглашаясь с первым и третьим пунктами, итальянский правовед концентрирует свою критику на весьма туманном втором пункте, стараясь обосновать некорректность утверждения о «полном отличии логического противоречия от нормативного конфликта» (Celano, 1998:351). С нашей точки зрения вопрос о том, насколько велика степень различия и недопустима аналогия между указанными понятиями, является схоластическим, ввиду различия контекстов обсуждения данной проблемы у Кельзена и Челано.

В то же время стоит обратить внимание на основной аргумент итальянского правоведа против позиции Кельзена. Челано полагает, что определение конфликта норм по Кельзену (через указание на нарушение одной из них как результата возможного или необходимого соблюдения или применения другой из них)

⁶ Данное определение (аналогично (Kelsen, 1991:123)) несколько отличается от определения, данного Г. Кельзенем конфликту норм в связи с рассмотрением проблемы дерогации («Конфликт между двумя нормами существует тогда, когда имеет место несовместимость между тем, что предписывает каждая из этих норм, а принцип *«lex posterior derogat priori»* неприменим») (Kelsen, 1991:108)).

предполагает понятие логического противоречия⁷: «Если, однако, тот факт, что две нормы конфликтуют друг с другом, означает, что они приписывают несовместимые акты, и если эти акты несовместимы, потому что и в той степени, в которой исполнить их вместе логически невозможно, то не верно, что нормативный конфликт ни в каком смысле не „представляет“ логическое противоречие» (Celano, 1998:352). Ученый делает из этого вывод, что тезис Кельзена об отсутствии необходимости ссылки на логическое противоречие для определения нормативного конфликта «в свете собственной дефиниции Кельзена просто ложен» (Celano, 1998:353).

В действительности, однако, ошибочно как раз утверждение Челано, поскольку определение «несовместимости» Кельзена ни в одной из своих версий не содержит какой-либо ссылки на логическое противоречие. Более того, не любой нормативной коллизии (исходя из кельзеновского определения) соответствует *логическое* противоречие между требуемыми положениями дел. Существует различие между логической и фактической (физической) несовместимостью суждений, о чем австрийский правовед писал еще в своих ранних работах, обозначая данные коллизии как логическую и телеологическую соответственно (Kelsen, 2009:256–257). Утверждения «солнце восходит на Востоке» и «солнце не восходит на Востоке» несовместимы логически, поскольку одно из них утверждает, а второе отрицает один и тот же предикат. Но утверждения «солнце восходит на Востоке» и «солнце восходит на Западе» несовместимы только фактически, в силу существующих законов физики. Точно так же нет логического противоречия между положениями дел «отправить письмо по почте» и «сжечь письмо», хотя одновременное их исполнение физически невозможно, в силу чего предписания «ты должен отправить письмо» и «ты должен сжечь письмо» конфликтуют между собой. Еще один возможный пример: одна норма запрещает оставление человека в опасности, другая – нахождение на определенной территории. Коллизия между ними возникает в ситуации, когда помочь человеку, находящемуся в опасности, невозможно без прохода через запретную территорию.

3. *Критика Дж. Раза и Дж. У. Харриса.* В отличие от Челано Раз, анализируя теорию коллизий Кельзена, обращает внимание не на теоретические, а на практические проблемы, связанные с ее применением. С точки зрения британского правоведа представление о возможности ситуации, когда некоторый субъект одновременно должен и не должен вести себя определенным образом, представляет собой «совершенно неприемлемое решение проблемы практических конфликтов» (Raz, 1976:503). Раз полагает, что такой подход делает невозможным практическое рассуждение (practical reasoning), а практический дискурс либо также невозможным, либо существенно ограниченным (Raz, 1976:503). Аналогичной точки зрения придерживается другой представитель оксфордской школы философии права Дж.У. Харрис, отмечающий также невозможность подлинных нормативных конфликтов в силу существования во всех современных правовых системах механизмов разрешения коллизий (Harris, 1986:220–224).

Здесь стоит отметить, что практический вопрос разрешения коллизий и теоретический вопрос о природе коллизий представляют собой две разных проблемы, четко различаемые Кельзеном и, в целом, чистое учение о праве изначально «стремится лишь к одному: познать свой предмет», «пытается ответить на вопрос, что есть право и как оно есть, но не на вопрос, как оно должно быть или создаваться» (Kelsen,

⁷ В краткой форме данный тезис до Челано был высказан О. Вайнбергером (Weinberger, 1986:195).

2015a:10). Вопрос о реальном или мнимом существовании коллизий, как представляется, не может быть разрешен чисто эмпирически, поскольку зависит от изначально принимаемого определения конфликта норм и философско-правового представления о его природе. Вместе с тем, если не исключать *a priori* теоретическую возможность существования нормативных конфликтов (а Харрис, по-видимому, этого не делает), то отрицать практическое существование правовых коллизий довольно сложно.

Дерогационные нормы и разрешение коллизий

В поздних работах Кельзен подчеркивает различие между двумя вариантами разрешения коллизий – на уровне правовой системы в целом и для конкретного дела. При разрешении коллизии в конкретном деле (применении одной из норм) нормативный конфликт в целом сохраняется (Kelsen, 2024c:211; Kelsen, 1991:214, 220–222)⁸. На уровне общих норма коллизия может быть разрешена только одним путем – отменой (дерогацией)⁹ одной из конфликтующих норм.

По мнению правоведа, в современной юриспруденции понимание нормативных коллизий и дерогации затемнено неверной трактовкой происходящего из римской юриспруденции¹⁰ принципа «*lex posterior derogat priori*» («последующий закон отменяет предыдущий»), привлекающего особое внимание всех исследователей указанной проблемы. Его буквальное понимание предполагает, что дерогацию осуществляет одна из норм, вступивших в коллизию. Но в действительности последующая норма сама по себе не отменяет предыдущую, а вступает с ней в конфликт ввиду различного регулирования одного и того же человеческого поведения. Для дерогации необходима третья норма, норма позитивного права, направленная на отмену одной из конфликтующих норм (Kelsen, 2024c:214–215; Kelsen, 2024b:254–255; Kelsen, 1991:125).

Хотя Кельзен не акцентирует на этом внимание, из его рассуждений следует, что возможны два разных вида дерогационных норм. В одном случае речь идет о нормах, отменяющих конкретные нормы, например, определенную статью конкретного закона. В другом случае речь идет об общих правилах отмены (Kelsen, 2024b:255), важнейшим примером которых являются коллизионные нормы – правила, отменяющие нормы, конфликтующие с другими нормами, на основании определенного общего критерия. Примером такого коллизионного правила и является

⁸ Важно помнить, что при этом предполагается, что ни одна из конфликтующих норм не потеряла своей действенности (а значит и действительности), то есть практика их применения противоречива.

⁹ Термин «дерогация» происходит из латинского языка, при этом в римской юридической терминологии проводилось различие между полной (*abrogatio*) и частичной (*derogatio*) отменой закона, восходящей, вероятно, к фрагменту из диалога «О государстве» (3, 22) Цицерона (Cicero, 2016: 94). Вместе с тем Кельзен полагает, что не существует принципиальной разницы между полной и частичной отменой нормы, так как норма, в отличие от существующего в пространстве физического объекта, не может сохраниться при частичном изменении. «Частичная» отмена или «изменение» нормы, по сути, представляют собой отмену старой нормы и установление новой, частично совпадающей с прежней по содержанию (Kelsen, 2024b:247–250; Kelsen, 1991:111–114).

¹⁰ Стоит уточнить, что современное понимание принципа *lex posterior derogat priori* (как и его латинская формулировка) принадлежат не собственно римской юриспруденции (в которой идея приоритета позднего закона понималась не как общий принцип, а как прием судебной аргументации), а более поздней континентально-европейской романистике (Petrov, 2020:39–48).

принцип «*lex posterior derogat priori*». Данный принцип не является необходимым¹¹, возможны иные коллизионные правила, в силу которых терять силу будет и более поздний закон (Kelsen, 2024b:255; Kelsen, 1991:126–127). Сам принцип «*lex posterior derogat priori*» обычно не формулируется в законах явным образом, а только предполагается. Кельзен считает, что для современных правотворческих и правоприменительных органов характерны три способа разрешения коллизий, каждый из которых предполагается очевидным либо оценивается как метод толкования:

при коллизии норм закона и конституции норма закона теряет силу;

более ранняя норма теряет силу при конфликте с нормой более поздней;

если способ разрешения коллизии юридически не детерминирован, вопрос применения той или иной из конфликтующих норм остается на усмотрение правоприменителя, либо нормы уничтожают действие друг друга (Kelsen, 2024b:256; Kelsen, 1991:126–127).

Правоприменительная практика руководствуется перечисленными коллизионными правилами и тем самым позитивирует их, включая в правовую систему. Но если такие принципы не введены законодательством или судебной практикой, нормативная коллизия останется неразрешенной, и «юридическая наука способна ее разрешить не больше, чем установить новые нормы» (Kelsen, 2024b:256; Kelsen, 1991:126–127).

Исчисление ошибок и альтернативное уполномочивание

В отличие от иных коллизий конфликт норм разного уровня анализируется при помощи теории ступенчатой структуры правопорядка Г. Кельзена (Kelsen, 2015a:278–342; Kelsen, 2005:123–162; 2015b:176–186) и А. Меркля (Merkel, 1927; Jelić, 1998). Данная теория, известная также как «пирамида норм» отражает динамику правовой системы и взаимные отношения между различными ее уровнями¹².

Иерархические коллизии

Теория ступенчатой структуры правопорядка базируется на существовании между нормами иерархических отношений, в силу которых одни нормы детерминируют другие. Существует два вида такой детерминации – статический и динамический. Динамическая детерминация имеет место, когда одна норма определяет порядок создания другой, то есть наделяет соответствующими правотворческими полномочиями некоторый орган и, возможно, определяет конкретную процедуру

¹¹ С логической точки зрения вполне возможен (и даже встречается в религиозных нормативных системах) противоположный принцип, предполагающий действие нового закона только в той части, которая не противоречит законам более ранним. Именно таким является известный принцип разрешения коллизии обязанностей, следующих из двух договоров, *prior in tempore potior in jure*, отдающий приоритет более раннему договору (Kelsen, 2009:258–259).

¹² Стоит отметить, что теория ступенчатой структуры правопорядка оказала большое влияние на развитие юридического позитивизма и была принята практически всеми его ведущими представителями после Кельзена, в частности, она была принята и включена в собственные концепции А. Россом (Ross, 2019:93–99), институциональными позитивистами (Weinberger, 1988:228–231), Е.В. Булыгиным (Bulygin, 2011) и, с оговорками, Дж. Разом (Raz, 1997:121–167). Некоторое исключение здесь составляет Г.Л.А. Харт, не высказавший достаточно ясно свое отношение к данной теории, однако, представляется, что его позиция близка к позиции Раза.

нормотворчества. В силу динамического отношения между нормами вышестоящая норма становится основанием действительности нижестоящей. Статическая детерминация заключается в определении содержания будущей нормы. В некотором смысле статический принцип определения содержания норм можно соотнести с материальным правом, а динамический – с процессуальным. Иерархия норм выстраивается от наиболее абстрактной основной нормы, уполномочивающей конституционного законодателя, до наиболее конкретных индивидуальных предписаний (Kelsen, 2005:123–124; Kelsen, 2015a:278; Kelsen, 2015b:174). Количество уровней «пирамиды норм» зависит от конкретной правовой системы, однако в целом применительно к современному праву можно выделить три основных.

Первый (высший) уровень нормативной системы представлен конституцией¹³, созданной в порядке, определенном основной нормой. Конституция определяет компетенцию и порядок формирования высших органов государственной власти, порядок создания общих норм (в частности, порядок законотворчества) и их содержание. Содержание будущих общих правил может детерминироваться как негативно, например, в виде перечисления гражданских свобод, которые не подлежат ограничению, так и позитивно (Kelsen, 2005:125–126), например, в виде указания на существующие формы собственности.

Второй уровень правового порядка формируют общие нормы, принятые на основании конституции – нормы законов и подзаконных нормативных правовых актов (указов), судебных прецедентов и обычаев (Kelsen, 2005:130–131; Kelsen, 2015a:281–287; Kelsen, 2015b:175–177). Нормы второго уровня, соответственно, определяют содержание норм третьего уровня (индивидуальных предписаний), а также определяют компетенцию устанавливающих их лиц (в первую очередь органов государственной власти) (Kelsen, 2005:130; Kelsen, 2015a:287–305, 310–329; Kelsen, 2015b:177–180).

С позиций чистого учения о праве возможны, таким образом, четыре вида иерархических коллизий:

коллизия между конституцией и законом;

коллизия между конституцией и указом;

коллизия между законом и указом, принятым на основании закона;

коллизия между конституцией, законом или указом с одной стороны и индивидуальной нормой с другой стороны.

Сложность описания коллизий, в которых участвуют указы, заключается в том, что, в принципе, с точки зрения теории ступенчатой структуры правопорядка возможны два разных вида указов¹⁴. Первый вид указов представляют собой указы, основанные непосредственно на конституции. Они могут быть равнозначны закону, когда фактически существуют две разные законодательные процедуры, например, принятие закона парламентом и принятие его главой государства, а могут регулировать какую-то особую сферу общественных отношений, относящуюся

¹³ В данном случае речь и дет о конституции в материальном смысле, которая, по Кельзену, представляет собой совокупность норм, регулирующих создание общих норм, в частности законов (Kelsen, 2015a:278–281; Kelsen, 2005:124–125).

¹⁴ Следует отметить, что похожий вопрос о двойственной природе указов главы государства достаточно широко обсуждался в государственно-правовой литературе XIX – начала XX в. В своей известной монографии «Указ и закон» Н.М. Коркунов отстаивал возможность разграничения законов и указов верховного управления не только в условиях конституционной, но и в условиях самодержавной монархии (Korkunov, 1894:227–357).

к компетенции соответствующего органа власти. Конфликт указов такого рода, не соответствующих конституции, относится к иерархической коллизии второго типа. Но конфликт такого указа с законом не является иерархическим, здесь речь идет о коллизии норм одного уровня, хотя, разумеется, не исключена возможность существования коллизионной нормы, разрешающей конфликт в пользу закона, подобной части третьей статьи 90 Конституции РФ. Ко второму виду указов относятся нормативные правовые акты, основанные на законе и конкретизирующие его содержание. Коллизии подобных указов с законами являются иерархическими и аналогичны коллизиям между конституцией и законами (Kelsen, 2005:130–131, 158; Kelsen, 2015a:286–287, 338; Kelsen, 2015b:184).

С учетом указанных нюансов, относящихся ко второму и третьему виду коллизий, а также исходя из классического понимания нормы как общего правила, из четырех перечисленных видов коллизий в дальнейшем мы сосредоточимся на первом, имея при это в виду, что он не является единственным.

Доктрина альтернативного уполномочивания

Правовая система, предусматривая возможность иерархических коллизий, создает механизмы их предупреждения и устранения. В первом случае возможно установление ответственности должностных лиц за принятие неконституционных или незаконных нормативных правовых актов, во втором – учреждение органа конституционного контроля (Kelsen, 2015b:175).

Однако из существования указанных механизмов следует, что сама правовая система допускает возможность существования иерархических коллизий и, при определенных обстоятельствах, даже их сохранение. Механизм разрешения указанных коллизий и их интеграции в правовую систему также получил название «исчисление ошибок» (Fehlerkalkül) (Kletzer, 2005:47–48).

В основе доктрины альтернативного уполномочивания – стремление объяснить факты существования (юридической действительности) неконституционных законов, а также незаконных указов и судебных решений.

Если конституция допускает возможность оспаривания неконституционного закона, то она предполагает, что такой закон существует как часть данной правовой системы, что он действителен до момента признания неконституционным. Более того, такая возможность подразумевает, что в случае ошибки органа конституционного контроля, или в случае, если соответствующий закон не станет предметом его рассмотрения, или если орган конституционного контроля вообще отсутствует, данный порок не будет устранен и неконституционный закон продолжит действовать (Kelsen, 2015b:183).

Из признания действительности неконституционных законов следует, что она должна иметь некоторое основание в правовой системе, а именно – предполагаемый конституцией альтернативный способ законотворчества. Аналогичное рассуждение может быть применено и к нарушающему закон нормотворчеству органов исполнительной власти (Kelsen, 2015a:338; Kelsen, 2005:158).

Кельзен полагает, что в правовой системе не может существовать абсолютная ничтожность правового акта, проводимое в доктрине различие между ничтожностью (изначальной недействительностью) и оспоримостью (возможностью признания решением суда дефектного акта недействительным) является мнимым, в реальности существует только два процедурно различающихся вида оспоримости (Kelsen,

2005:159). Объявление нормы ничтожной решением суда представляет собой не чисто декларативный акт, а ретроактивную дерогацию (Kelsen, 2015a:340–341). Конечно, правовед не отрицает возможность случаев заведомо ничтожных «правовых актов», как например, указ возмнившего себя «испанским королем» главного героя повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего», однако полагает, что такие ситуации лежат за пределами права и не могут быть юридически определены (Kelsen, 2015a:341). Любой правовой акт, относительно которого на самом деле могут возникнуть сомнения в его действительности, становясь предметом судебного рассмотрения в рамках «исчисления ошибок», становится частью правовой системы. Это удивительное свойство права превращает неправомерное в правовое (пусть и оспоримое) Кельзен сравнивает с даром (и проклятьем) легендарного царя Мидаса, превращавшего в золото все, к чему он прикасался (Kelsen, 2015a:341–342; Kelsen, 2005:161).

Критика доктрины альтернативного уполномочивания

Доктрина альтернативного уполномочивания неоднократно критиковалась различными авторами (Bulygin, 2013:353–357; Bulygin, 1995; Harris, 1986:2014–220; Jackson, 1985; Köpcke, 2019:32, 121; Rubinstein, 2007:5–7; Weyland, 1986)¹⁵. Возражения против нее можно разделить на две основные группы.

1. Критика со стороны административистов. Первая группа возражений была сформулирована представителями классической теории административной юстиции, такими как австрийские государствоведы Р. Новак, Г. Винклер и израильский правовед А. Рубинштейн.

По мнению Новака и Винклера, теория альтернативного уполномочивания содержит в себе логический круг – она не обосновывает действительность нормативных правовых актов, принятых с нарушениями, а изначально предполагает ее, так как действительность оспариваемой нормы при ее оспаривании является лишь гипотетической. Так, например, под гипотезу нормы закона, определяющего порядок оспаривания незаконных нормативных правовых актов, может быть подведена только юридически значимая (хотя и дефектная) правовая норма (Kletzer, 2005:57), из чего критики делают вывод о том, что для сохранения возможности существования действительных, но подлежащих оспариванию норм необходимо возрождение традиционной теории, связывающей возможность признания абсолютной ничтожности нормы только с определенными существенными нарушениями при ее принятии (Kletzer, 2005:57–58).

Полагаем, что применительно к указанным рассуждениям можно согласиться с оценкой К. Клетцера, отмечающего, что 1) теория разграничения существенных и несущественных нарушений при принятии нормативного правового акта применима не ко всем правовым системам, и, по сути, представляет собой отсылку к критериям разграничения, устанавливаемым позитивным правом (Kletzer, 2005:58), и 2) собственно, логический круг в обосновании действительности оспариваемой нормы отсутствует, поскольку норма, регулирующая «исчисление ошибок», «предполагает» действительность оспариваемой нормы только в том смысле, что позитивирует ее, вводя в правовую систему, но сама не нуждается в существовании такой нормы (Kletzer, 2005:58).

¹⁵ Анализ немецкой и австрийской критической литературы см. в (Kletzer, 2005).

Рубинштейн, в свою очередь, полагает, что различие между ничтожностью и оспоримостью нормативных правовых актов может быть обосновано ссылкой на различные процедуры оспаривания – прямую (direct attack) и косвенную (collateral attack). В первом случае действительность нормы может быть оспорена в рамках определенной процедуры, в то время как во втором – в рамках любого спора, рассматриваемого любым юрисдикционным органом, где бы об этом не ставился вопрос (Rubinstein, 2007:5–6). В данном случае опять же следует согласиться с замечанием Клетцера, что данное возражение бьет мимо цели, поскольку теория «исчисления ошибок» не отрицает возможности существования различных порядков оспаривания (данный вопрос относится к позитивному праву), а лишь утверждает, что процедура признания нормативного правового акта недействительным предполагает его юридическую действительность (Kletzer, 2005:58–59).

2. *Критика со стороны философов права.* Философы права в своей критике теории альтернативного уполномочивания акцентировали внимание на ее предполагаемой «иррациональности», интерпретируя ее обычно как предоставляющую органам власти одновременно полномочия принять как законное, так и незаконное решение, т. е. любое по своему усмотрению (Bulygin, 1995:17; Кёрске, 2019:121; Harris, 1986:220). В конечном счете, например, М. Кепке полагает, что данная теория «эффективно разрушает всякую возможность юридического рассуждения» (Кёрске, 2019:121). Многие критики фокусируются на проблеме отношений между вторым и третьим уровнями «пирамиды норм», рассматривая доктрину в целом в контексте проблемы обоснования судебных решений. Так, например, Б.С. Джексон из отрицания Кельзеном возможности дедукции судебных решений делает вывод об отрицании им семантических отношений между общей нормой и судебным решением в целом (Jackson, 1985:87–93)¹⁶, что, безусловно, искажает мысль австрийского правоведа, признававшего такие отношения, лишь отказывая им в статусе логических (Kelsen, 2005:258–265; Kletzer, 2005:60).

Наиболее последовательной критикой «иррациональности» альтернативного уполномочивания следует признать рассуждения И. Вейланд, которая приводит сильные аргументы в пользу того, что допущение альтернативного уполномочивания вносит сильную неопределенность в правовую систему, поскольку признание альтернативности выбора между правомерным и неправомерным на каждой ступени правопорядка приводит к крайне высокой степени его неопределенности, стирает «различие между нормой и ее отсутствием, действительностью и недействительностью» (Weyland, 1986:255).

Стоит отметить, что в основе критических рассуждений вышеназванных философов права лежит одна принципиальная ошибка – уравнивание «стандартного» и «альтернативного» уполномочивания, т. е. представление о свободном выборе правомерной или неправомерной альтернативы и равенстве последствий такого выбора, об отсутствии различия в «весе» альтернатив (Weyland, 1986:254–255)¹⁷. Вместе с тем критиками не учитывается, что действительность нормы по Кельзену предполагает не только уполномоченное установление (включение в нормативную систему), но и определенную степень действенности, т. е. фактической реализации. Таким образом, существование действительной статической (определяющей содержание нижестоящей нормы) нормы означает и ее регулярное исполнение, что само по себе

¹⁶ Аналогичные рассуждения см. в: (Bulygin, 1995:16–24; Weinberger, 1995:263).

¹⁷ Так, например, Вейланд полагает, что различие здесь может быть только психологическим, то есть метаюридическим (Weyland, 1986:264).

означает, что отклонение от таких норм в правовой системе может существовать не иначе как в виде исключения, обусловленного целями «исчисления ошибок». Более того, нормы, обязывающие соответствующие органы признать недействительными решения, принятые в «альтернативном» порядке, тоже обладают действительностью и действенностью, что также свидетельствует об исключительном характере отклонений. Именно исключительный характер применения альтернативного уполномочивания отличает нормативную систему, в которой оно применяется, от нормативной системы, основанной на произволе властных органов¹⁸.

Еще одна проблема критики теории «исчисления ошибок» заключается в отсутствии альтернативного объяснения феномена действительности правовых актов, принятых вопреки нормам вышестоящего уровня. Единственная попытка такого рода была предпринята Е.В. Булыгиным и заключалась в разграничении понятий системной действительности (принадлежности к нормативной системе) и применимости (обязательности для применения в данной нормативной системе). Так, например, норма неконституционного закона, согласно Булыгину, недействительна, но применима (Bulygin, 2013:352–356). С одной стороны, концепция аргентинского правоведа позволяет обойтись без представления об уполномоченности издания дефектных правовых актов (принимая в качестве допущения, что данное различие не является чисто терминологическим). С другой стороны, и она сталкивается с определенной проблемой – в результате дефектного нормотворчества может со временем возникнуть целая параллельная нормативная система, не являющаяся (исходя из различия действительности и применимости) частью первоначальной нормативной системы и совершенно неясным образом с ней соотносящаяся (Timoshina, Vasil'eva, Kondurov & Kraevsky, 2023:549–550).

Заключение

Проведенный анализ теории нормативных коллизий Г. Кельзена показал, что правовед на протяжении своего научного творчества колебался между двумя принципиально разными подходами к оценке данного явления – холизмом, отрицающим реальность правовых коллизий в силу системных свойств права, и реализмом, признающим существование нормативных конфликтов. Особенность кельзеновской холистической теории состоит в ее специфическом неокантианском обосновании – обнаружение коллизий означает дефект юридического познания, который должен быть устранен при помощи априорных принципов разрешения нормативных конфликтов. Позднейшая реалистическая позиция Кельзена связана с отказом от неокантианской методологии и выражается в отрицании применимости логического закона непротиворечия к нормам. Нормативная коллизия сравнивается с воздействием разнонаправленных физических сил на одно и то же тело и может быть устранена только путем дерогации – отмены одной из конфликтующих норм некоторой третьей нормой. Особенным образом австрийский правовед трактует коллизии между нормами разных уровней нормативной системы – они считаются мнимыми как в холистической, так и в реалистической версии его теории. Само существование механизма оспаривания дефектных нормативных правовых актов с точки зрения Кельзена означает допущение возможности их действия, а значит и невозможность их абсолютной

¹⁸ Стоит отметить похожее рассуждение о различии игры с уполномоченным счетчиком, решения которого обязательны, от игры «по произволу счетчика», приводимое Г.Л.А. Хартом (Hart, 2007:143–147).

ничтожности. Критика указанной концепции со стороны специалистов по административной юстиции и философов права во многом основана на неверном понимании позиции австрийского правоведа – приписывании ему тезиса о равнозначности выбора между принятием материально корректного, либо дефектного правового акта. На самом деле, в силу существования и действенности подлежащих применению материальных норм, а также норм, обязывающих уполномоченные органы осуществлять нормоконтроль, «альтернативное правотворчество» по Кельзену возможно только в виде исключения.

References / Список литературы

- Alchourrón, C.E. (1991) Conflicts of Norms and the Revision of Normative Systems. *Law and Philosophy*. 10(4). 413–425.
- Alchourrón, C.E. & Bulygin, E. (2013) The Expressive Conception of Norms In: *Normative Systems and other Works in Philosophy of Law and Logic of Norms*. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., pp. 234–261. (in Russian).
- Альчуррон К.Э., Булыгин Е.В. Экспрессивная концепция норм / пер с англ. А.Е. Гомановой, Е.Н. Лисанюк // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / под ред. Е.Н. Лисанюк. СПб. : изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. С. 234–261.
- Antonov, M.V. (2013) Hans Kelsen (1881–1973): Intellectual Milestones. *Law Journal of the Higher School of Economics*. (1), 3–15. (in Russian).
- Антонов М.В. Ганс Кельзен (1881–1973): основные вехи интеллектуального пути // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 1. С. 3–15.
- Bulygin, E. (2011) Dynamics of Law. In: *Norms and Normative Systems in Philosophy, Law and Informatics. The materials of the international symposium*. 9–10 September 2011, Saint Petersburg. Saint Petersburg. pp. 7–10.
- Булыгин Е.В. Динамика права // Нормы и нормативные системы в философии, праве и информатике: материалы Международного симпозиума, Санкт-Петербург, 9–10 сентября 2011 г. СПб., 2011. С. 7–10.
- Bulygin, E. (2013) Das Problem der Geltung bei Kelsen In: Alchourrón, C.E., Bulygin, E. *Normative Systems and other Works in Philosophy of Law and Logic of Norms*. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., pp. 344–357. (in Russian).
- Булыгин Е.В. Проблема действительности по Кельзену / пер. с нем. М.В. Антонова // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / под ред. Е.Н. Лисанюк. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. С. 344–357.
- Bulygin, E. (1995) Cognition and Interpretation of Law In: Gianformaggio, L. & Paulson, S.L. (eds.). *Cognition and Interpretation of Law*. Torino, pp. 11–35.
- Celano, B. (1998) Norm Conflicts: Kelsen's View in the Late Period and a Rejoinder In: S.L. Paulson, B. Litschewski Paulson (eds.). *Normativity and Norms. Critical Perspectives on Kelsenian Themes*. New York, Clarendon Press, pp. 343–361.
- Ciceron, M.T. (2016) *O Gosudarstve. O Zakonax*. Trans. Gorenshtejn, V.O. Moscow, Akademicheskij proekt Publ. (in Russian).
- Цицерон М.Т. О государстве. О законах / пер. с лат. В. О. Горенштейна. М. : Академический проект, 2016. 249 с.
- Didikin A.B. (2022) Basic Norm as the Category of Thinking in Hans Kelsen's Neokantian Legal Philosophy In: *The Transcendental Turn in Contemporary Philosophy – 7. Epistemology, Cognitive Science and Artificial Intelligence. Collection of theses of the international scientific conference*. Moscow, Russian State University for the Humanities, pp. 57–59. (in Russian).
- Дидикин А.Б. Основная норма как категория мышления в неокантианской философии права Ганса Кельзена // Трансцендентальный поворот в современной философии – 7. Эпистемология, когнитивистика и искусственный интеллект: сборник тезисов Международной научной конференции. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2022. С. 57–59.

- Harris, J.W. (1986) Kelsen and Normative Consistency In: Tur, R. & Twining W. (eds.). *Essays on Kelsen*. Oxford, Oxford University Press, pp. 201–228.
- Hart, H.L.A. (2007) *The Concept of Law*. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ. Харп Г.Л.А. Понятие права / пер. с англ. Е.В. Афосина, М.В. Бабак, А.Б. Дидикина, С.В. Моисеева. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 302 с.
- Hartney, M. (1991) Introduction In: Kelsen H. *General Theory of Norms*. Oxford, Clarendon Press, pp. ix–liii.
- Heidemann, C. (1997) *Die Norm als Tatsache. Zur Normentheorie Hans Kelsens*. Baden-Baden, Nomos.
- Heidemann, C. (1999) Norms, Facts and Judgments. A Reply to S. L. Paulson. *Oxford Journal of Legal Studies*. (19), 345–350.
- Jackson, B.S. (1985) Kelsen between Formalism and Realism. *The Liverpool Law Review*. (7), 79–93.
- Jelić, Z. (1998) A Note on Adolf Merkl's Theory of Administrative Law. *Facta Universitatis. Series: Law and Politics*. 1(2), 147–155.
- Kelsen, H. (2005) *General Theory of Law and State*. New Brunswick, Transaction Publishers.
- Kelsen, H. (1991) *General Theory of Norms*. Oxford, Clarendon Press.
- Kletzer, C. (2005) Kelsen's Development of the Fehlerkalkül-Theory. *Ratio Juris*. 18(1), 46–63.
- Kelsen, H. (2009) La Théorie Juridique de la Convention. *Law and Politics*. 1(109), 2(110), pp. 8–17, 256–264. (in Russian).
Кельзен Г. Юридическая теория соглашения / пер. с франц. Д.В. Даниленко под ред. Д.О. Грачева // Право и политика. 2009. № 1(109), 2(110). С. 8–17, 256–264.
- Kelsen, H. (2015) *Pure Theory of Law*. 2nd ed. Saint Petersburg, Alef-Press Publ. (in Russian).
Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М.В. Антонова, С.В. Лезова. 2-е изд. СПб. : Алеф-Пресс, 2015. 541 с.
- Kelsen, H. (2024) *Essays in Legal and Moral Philosophy*. Saint Petersburg, Alef-Press Publ. (in Russian).
Кельзен Г. Очерки по философии права и морали / пер. с англ. и нем. СПб. : Алеф-Пресс, 2024. 291 с.
- Köpcke, M. (2019) *Legal Validity. The Fabric of Justice*. Oxford, Hart Publishing.
- Korkunov N.M. (1894) *Decree and Law*. Saint Petersburg, Stasyulevich M.M. Press. (in Russian).
Коркунов Н.М. Указ и закон. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1894. 408 с.
- Kraevsky, A.A. (2015) Hans Kelsen's Pure Theory of Law and Modern Legal Positivism. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. 2, pp. 88–125.
Краевский А.А. Чистое учение о праве Ганса Кельзена и современный юридический позитивизм // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 2. С. 88–125.
- Merkl, A. (1927) *Allgemeines Verwaltungsrecht*. Berlin, Verlag von Julius Springer.
- Muromtsev S.A. (1886) *Reception of Roman law in the West*. Moscow, A. I. Mamontov and Co. Print. (in Russian).
Муромцев С.А. Рецепция римского права на Западе. М. : Типография А. И. Мамонтова и Ко, 1886. 159 с.
- Paulson, S.L. (1986) On the Status of the *lex posterior* Derogating Rule In: Tur, R. & Twining, W. (eds.). *Essays on Kelsen*. Oxford, Oxford University Press, pp. 229–248.
- Paulson, S.L. (1992) Kelsen's Legal Theory: The Final Round. *Oxford Journal of Legal Studies*. 12(2), 265–274.
- Paulson, S.L. (1993) Continental Normativism and Its British Counterpart: How Different Are They? *Ratio Juris*. 6(3), 227–244.
- Paulson, S.L. (1998) Four Phases in Hans Kelsen's Legal Theory? Reflections on a Periodization. *Oxford Journal of Legal Studies*. (18), 153–166.
- Paulson, S.L. (1999) Arriving at a Defensible Periodization of Hans Kelsen's Legal Theory. *Oxford Journal of Legal Studies*. (19), 351–364.
- Petrov, A.A. (2017) Strategies for overcoming collisions in law: Definition, Types, Effectiveness. *Legal Technique*. 11, pp. 262–264.

- Петров А.А. Стратегии преодоления коллизий в праве: понятие, виды, эффективность // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 262–264.
- Petrov, A.A. (2020) *Lex Specialis and Lex Posterior in the Digest*. Herald of Omsk University. Series “Law”. 17(1), 39–48. [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2020.17\(1\).39-48](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2020.17(1).39-48) (in Russian).
- Петров А.А. Lex specialis и lex posterior в Дигестах Юстиниана // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. Т. 17. № 1. С. 39–48. [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2020.17\(1\).39-48](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2020.17(1).39-48)
- Raz, J. (1976) Critical Study: Kelsen’s General Theory of Norms. *Philosophia*. 6(3–4), 495–504.
- Raz J. (1997) *The Concept of Legal System*. Hong Kong, Clarendon Press.
- Razin, A.V. (2014) Moral Dilemmas. *RUDN Journal of Philosophy*. 2, 66–81.
- Разин А.В. Моральные дилеммы // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2014. № 2. С. 66–81.
- Rubinstein, A. (2007) *Jurisdiction and Illegality. A Study in Public Law*. Islamabad, Pakistan Law House.
- Ross, A. (1968) *Directives and Norms*. London, Routledge & Kegan Paul.
- Ross, A. (2019) *On Law and Justice*. Oxford, Oxford University Press.
- v.Savigny, F.C. (2011) System des heutigen römischen Rechts In: v.Savigny, F.C. *System des heutigen römischen Rechts. B. I*. Moscow, Statut Publ., pp. 248–509.
- Савиньи Ф.К., фон. Система современного римского права // Савиньи Ф.К., фон. Система современного римского права Т. I / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М. : Статут, 2011. С. 248–509.
- Timoshina, E.V., Vasil’eva, N.S., Kondurov V.E. & Kraevsky A.A. (2023) *Three Realms of Law: Validity, Efficacy, Legitimacy*. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ.
- Три царства права: действительность, действенность, легитимность / Е.В. Тимошина, Н.С. Васильева, В.Е. Кондров, А.А. Краевский; под ред. Е.В. Тимошиной. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2023. 644 с.
- Weinberger, O. (1986) Logic and the Pure Theory of Law In: Tur, R. & Twining, W. (eds.). *Essays on Kelsen*. Oxford, Oxford University Press, pp. 187–200.
- Weinberger, O. (1995) Normological Inferences and Generation of Legal Norms. *Ratio Juris*. 8 (3), 261–270.
- Weinberger, O. (1988) The Role of Rules. *Ratio Juris*. 1 (3), 224–240.
- Weyland, I. (1986) Idealism and Realism in Kelsen’s Treatment of the Norm Conflicts In: Tur, R. & Twining, W. (eds.) *Essays on Kelsen*. Oxford, Oxford University Press, pp. 249–269.

Сведения об авторе:

Краевский Арсений Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета; 199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; приглашенный исследователь Самарского государственного экономического университета, 443090, Российская Федерация, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141

ORCID: 0000-0001-6112-7417, SPIN-код: 9646-3311

e-mail: a.krajewski@yandex.ru

About the author:

Arseny A. Kraevsky – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Saint Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation; Visiting Researcher, Samara State Economic University, 141, Soviet Army str., Samara, 443090, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-6112-7417, SPIN-code: 9646-3311

e-mail: a.krajewski@yandex.ru